

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Грета Соловьева, доктор философских наук,
профессор, Институт социальных и гендерных исследований,
Республика Казахстан

Две важнейшие социальные стратегии современного мира – устойчивое развитие и гендерная политика. Сегодня их следует понимать в едином социокультурном контексте.

Идея гендерного равенства и сотрудничества полов, их согласия и взаимопонимания приобретает общепланетарную значимость, становится условием и предпосылкой устойчивого развития. Речь идет о возможности включения в полноценную социально-экономическую и политическую жизнь той половины рода человеческого, которая тысячелетиями считалась второсортной. Современный плюральный мир, стремящийся к демократии и развитию форм гражданской жизни, уже не может мириться с подобной ситуацией. Но повестке тысячелетия – фундаментальная трансформация гендерных структур на основе идеологии равных прав и возможностей, подключение в процессы устойчивого развития громадного неиспользованного потенциала женского населения планеты. Общества, в которых женщины исключены из общественной жизни и принятия решений, не могут считаться демократическими. Концепция демократии будет иметь реальное и динамическое значение, когда политические решения будут приниматься и женщинами и мужчинами с учетом мнений и интересов обоих полов. В самом деле, разве можно считать «демократией» социальную структуру, где существует явная и скрытая дискриминация более чем половины граждан? Демократия должна осознать и чувствовать особенности пола, равное распределение власти при принятии решений между женщинами и мужчинами укрепляет и обогащает демократию. Международное сообщество связывает с гендерной перспективой не только формирование «демократии для всех», но и вписывает проблему в глобальный контекст: это будущее человеческой цивилизации.

Гендерная проблема, стало быть, характеризуется в качестве глобальной и связывается с контекстом развития, поскольку гендерные несоответствия, ущемляя права и возможности половины человечества, препятствуют устойчивому и целостному развитию всего человеческого рода: от гендерной асимметрии страдают не только ее жертвы, но и те, кто ее осуществляют. Хотя политики часто рассматривают гендерные вопросы применительно только к женщинам, многочисленные данные ныне указывают на то, что гендерная проблема носит более широкий характер, что это – проблема развития.

Гендерный дисбаланс препятствует формированию полноценных типов социальной деятельности, учитывающих опыт обоих полов, так, ограниченное участие женщин в политической жизни, отстранение женщин от власти на любом уровне будет ограничивать эффективность государства и его политики. Ведь женщины способны привнести в политику иной комплекс критериев, открыть новые перспективы в политическом диалоге, изменить традиционный стиль управления под углом зрения большего взаимопонимания, согласованности действий и гуманистических ориентиров. И наконец, самое важное. женщина как мать формирует будущее поколение – от ее образованности, социального статуса и здоровья зависит, каким будет человечество в ближайшем будущем.

Проблема гендера, рассматриваемая в контексте развития, закономерно связывается с другой актуальной проблемой современности-бедностью. Здесь намечается примечательное соотношение. С одной стороны, бедность ужесточает гендерные несоответствия. Неравное положение мальчиков и девочек в плане доступа к образованию или адекватному медицинскому обслуживанию более остро проявляется среди бедных. С другой стороны, гендерное неравенство задерживает развитие. Как разорвать этот круг? Предполагаемое решение - комплексный подход, постановка проблем гендера в контексте широких социально-экономических преобразований: реформирование государственных институтов с целью представления равных прав и возможностей для женщин и мужчин; выравнивание диспропорций в доступе к экономическим и политическим ресурсам; разрушение жесткой системы гендерного разделения труда; изменение соотношения власти, стимулов и ресурсов в домашнем хозяйстве.

Как можно определить устойчивое развитие в гендерном аспекте? Это не только освобождение от негативных социальных экономических характеристик – нищеты, болезней, недоедания, невежества.

Прежде всего, это – позитивный круг проблем: создание таких социальных инфраструктур, которые бы содействовали уверенному, без скачков и спадов, экономическому росту, формированию гражданских структур, созданию условий для личностного самопроявления каждого человека – будь то мужчина или женщина. Все они должны иметь равный доступ к экономическим, политическим, образовательным ресурсам, к возможностям выражать свои интересы и добиваться своих жизненных целей.

Какой же должна быть гендерная политика, чтобы способствовать устойчивому развитию? Национальная модель гендерной политики, определяемая в принятой Концепции¹ не отвечает требованиям и критериям концептуального уровня, поскольку в них дается детальный обзор наличного состояния дел и приводятся предполагаемые меры по изменению ситуации без

прорыва на уровень должного, понятийного. В теоретическом плане эта позиция весьма расплывчата: матрица либерального феминизма непоследовательно сочетается с матрицей радикального, поскольку не выяснен самый существенный вопрос о гендерной идентичности и гендерном различии. Документу только условно можно приписать гендерную направленность. По сути гендерная терминология используется, чтобы встроиться в международное сообщество и обрести соответствующий имидж, тогда как речь идет по большей части, все еще о женском вопросе.

Думается, что национальная модель гендерной политики призвана не только отражать и констатировать то, что существует, но проектировать должное, идеальное. С одной стороны, тщательный анализ существующего положения дел с помощью такого эффективного инструментария, как гендерная статистика, позволяет выявить наметившиеся закономерности и тенденции, необходимые направления гендерных усилий. С другой стороны, необходимо прочертить вектор не только из настоящего в будущее, но и наоборот, из будущего в настоящее, т.е. выйти на уровень должного, идеального и с этих позиций проектировать реальное.

В этом смысле, национальная модель может преодолеть нежелательный разрыв между теоретическими гендерными исследованиями и практикой гендера, который наметился в международном сообществе. Гендерные теоретики вступают в сложные, терминологически насыщенные дискуссии, открывают новые горизонты, обосновывают альтернативные теоретические концепты. А гендерная политика «течет» параллельным потоком, не перекрещиваясь с теоретическим руслом и обретая свой путь эмпирическим методом «проб и ошибок». Казахская гендерология могла бы сблизить два параллельных потока, в результате чего национальная концепция и стратегия гендерного равенства получили бы хорошо продуманную мировоззренческую базу. А у казахских теоретиков есть «порох в пороховницах», т.е. наработки, позволяющие внести свой вклад в важное государственное задание.

Все это позволит переосмыслить парадигму гендерной политики. Первым шагом может стать трансформация позиций внутри самого «женского вопроса»: отказаться от традиционного взгляда на женщин как на уязвимый слой населения, слабый, незащищенный и несчастный и перейти к признанию полноправного участия женщин во всех социальных программах и проектах в качестве индивидуальностей и творческих личностей. Второй шаг – отказ от фокусирования на женщинах как особой целевой группе и переход на позиции гендера, равно заинтересованного в продвижении и мужчин, и женщин (напомним, что это требование мейнстриминга)². Гендер предполагает, что личностное развитие женщин понимается в качестве условия личностного развития мужчин и наоборот – личностное развитие мужчин есть предпосылка женского роста и участия. В

результате выигрывает все общество, получая возможность вовлечения громадного потенциала пока неиспользованных творческих сил и возможностей.

Гендер не на словах, а на деле означает прежде всего выход на самый глубинный пласт гендерной проблематики – к трансформации психологии, изменению сознательных и бессознательных составляющих гендерного мировоззрения и формированию современных гендерных моделей самосознания и типов поведения. Первая задача – искоренение гендерных предрассудков, предрассудков, стереотипов и стандартов, укорененных в человеческой психике посредством усвоения определенных норм, образцов, культурных кодов, гендерных метафор и национальных обычаев. Вторая, тесно связанная с первой – формирование новых моделей сознания и поведения согласно конструируемым в культуре образцам партнерского равноправного сотрудничества обоих полов, без тени превосходства и преобладания одного над другим. Такая постановка вопроса изменяет соотношение задач и приоритетов гендерной политики. В Национальном плане действий³ называются на равных в качестве «рядоположенных» несколько приоритетов-задач. На наш взгляд, первой задачей, от решения которой будет зависеть судьба всех остальных, должно быть изменение человеческой психологии. Без этого трудновыполнимого, но первостепенного гендерного задания, все другие цели и задачи повиснут в воздухе⁴.

Выдвижение на первые роли приоритета по изменению сознания трансформирует иерархию гендерных инструментов, среди которых обычно называют гендерное законодательство, гендерную статистику и бюджет, гендерное образование и СМИ. Все эти инструменты, безусловно, должны быть задействованы в глобальной акции по трансформации сознания. На первую «скрипку» должны играть такие сферы как культура, образование, СМИ. Именно они ответственны за трансляцию стереотипов и имеют возможности переориентировать сознание, воспользовавшись вновь конструируемыми образцами и моделями гендерных взаимоотношений.

Термин «новое гендерное самосознание» требует разъяснений с теоретической точки зрения. Ясно, что имеется в виду реальное гендерное равенство прав и возможностей, а не только гендерное равноправие перед законом. Но как понимать равенство? Возможно несколько толкований. Первый – все еще не изжитый стереотип абстрактного равенства, свойственный либеральному феминизму: женские различия полностью отрицается, соотносясь с «дискриминацией по признаку пола». Речь идет о полном социальном равенстве мужчины и женщины, без признания существенных отличий их жизненного предназначения. Подобная модель практически приводит к отождествлению категории «женщина» с категорией «мужчина». Женщины, как и мужчины, могут заниматься любыми типами деятельности, спускаться в шахты, «рулить» сверхзвуковыми

самолетами и т.д. Подобная интерпретация приводит к упразднению специального законодательства, защищающего труд женщин, что произошло во многих странах Европы, включая Швецию.

Теория гендера иначе трактует вопрос о тождестве и различии. Различие в правах, в доступе экономическим, политическим и образовательным ресурсам, безусловно, должно быть пресечено, согласно требованиям статьи 1 Конвенции. Но есть и другой смысл термина «различие», связанный с признанием того, что существует два противоположных пола с уникальным и нетождественным жизненным опытом, психологией, мышлением, системой ценностей. Женский мир определяется в своем качестве материнством, и здесь нет опасности «биологического детерминизма». Материнство – категория прежде всего духовно-нравственная, социально-культурная и даже политическая. Это женское предназначение, определяющее уникальность и бесценное достоинство женской судьбы. Гендерная политика, безусловно, должна ориентироваться на нетождественный жизненный мир мужчин и женщин, стремясь создать условия, при которых материнство станет не препятствием а условием личностного самоосуществления женщины. Будет положен конец роковому противоречию между репродуктивной функцией и личностным становлением женщины. Общество в состоянии создать такую социальную базу, при которой материнство будет способствовать раскрытию творческого и культурного потенциала женщины. Поэтому гендерная равенство надо понимать во-первых, как равенство через различия, во-вторых, как равенство различий. Мужское и женское видение мира не сводимы друг к другу, но не могут оцениваться в шкале лучше-хуже, ниже-выше. При таком понимании дается другая оценка традиционно женским сферам деятельности – домашний труд и воспитание детей признаются в качестве не только экономической, но и социально-культурной составляющей социальной деятельности.

Концептуальная установка на равенство через различия и на равенство различий обуславливает взаимосвязь в гендерной политике двух процессов: с одной стороны, экономическое и, в особенности, политическое продвижение женщин, с другой стороны, «встречное» втягивание мужчин в исконно женские зоны домашнего хозяйства и воспитания детей. В нынешней редакции Концепции вторая составляющая замалчивается. На как могут женщины успешно реализовать право на политическое участие, если не произойдет «прорыва» и в другом направлении – вовлечении мужчин на их территорию? Заметим, что эти два вектора пока неравнозначны по силе. Женщины Казахстана, по крайней мере, активная их составляющая, обрели высокий уровень политического сознания и политической культуры, осознав важность женского представительства в структурах власти; формируется новый феномен женского предпринимательства в Казахстане. Мужчины, наоборот, не испытывают столь страстного желания разделять «женские» заботы,

стараясь удерживать прочные позиции в мужских сегментах экономики и политики.

Признание концептуальной значимости женского взгляда, материнского мышления и материнской логики позволяет иначе рассмотреть сущность того, что называют политическим участием женщин. Считается, что присутствуя во властных структурах в малых пропорциях, женщина «играет по мужским правилам». Но когда представленность доходит до 30 процентов, ситуация меняется: женщины преобразуют сам тип политической деятельности, тематику и стиль обсуждения социальных проблем, форму организации работы. Но этого признания недостаточно. Присутствие женщины в политике способно трансформировать традиционный тип либеральной демократии. Именно женщина способна привнести в «список» традиционных либеральных ценностей – справедливость, признание прав личности – такие общечеловеческие ценности, как забота, сочувствие, взаимопонимание, поддержка, первостепенные в опыте материнства. Гендерная политика – составляющая социальной политики государства. Но политика может стать социальной только в том случае, когда она станет «гендерно чувствительной». Социальные проблемы – это то, что волнует, в первую очередь, женщин и о чем они, в отличие от мужчин, говорят во весь голос, получив доступ к ресурсам власти.

Теперь о втором векторе – доступе мужчин к ресурсам домашнего труда и воспитания детей. Участие мужчин в сфере семейных обязанностей также будет способствовать трансформации этого типа деятельности. Во-первых, будет поставлена под вопрос патриархатная структура семьи, воспроизводящая традиционное гендерное разделение труда – мужчина-кормилец, женщина-хозяйка и мать. Во-вторых, помня принцип теории гендера – личное есть политическое – можно надеяться на преодоление властных иерархий и доминирования мужчины в семье, что является условием преодоления патриархатных традиций и в социальном мире. Можно сказать, что предпосылкой успешного продвижения женщины в собственно политику является изменение ее позиций в семье, т.е. успешное решение политических проблем власти на уровне семьи. В-третьих, появление мужчин на «сцене» воспитания собственных детей создаст новую целостную систему формирования человеческой личности – с учетом взаимодополнительности мужских и женских векторов.

С позиций переосмысленной парадигмы гендерной политики концепция устойчивого развития получает новые импульсы. Не имеет смысла говорить об устойчивом развитии вне гендерного контекста. Развитие может быть устойчивым только в том случае, когда женщины становятся полноправными субъектами и экономики, и политики, и семейной жизни, что является условием личностного становления мужского населения Планеты.

Сказанное, однако, не расставляет все точки над «i» и оставляет многие вопросы открытыми, дискуссионными. Можно еще и еще раз спросить:

- Каким образом гендерная политика влияет на устойчивое развитие?

- Уровни и субъекты гендерной политики?

- Механизмы осуществления гендерной политики в связи с устойчивым развитием?

- Какой фактор гендерной политики следует считать приоритетным – экономическое и политическое продвижение женщин, борьба с насилием против женщин, гендерное образование и формирование современного гендерного менталитета?

- Как соотносятся между собой культурные традиции, нормы и модели поведения женщин и мужчин, общепринятые в определенных национальных контекстах, и гендерная стратегия, ориентированная на равенство прав и возможностей?

- Допустимо ли введение «квот» для политического продвижения женщин, т.е. одобрение политики «положительной дискриминации» в отношении женщин?

- Можно ли говорить, в свою очередь, о «положительной дискриминации» в отношении мужчин в традиционно женских сферах деятельности, например, о более высоких ставках для мужчин в сфере образования?

- Может ли женщина, будучи матерью, женой и хозяйкой, претендовать на равный с мужчиной статус в политике, экономике, и культуре, внося свой вклад в устойчивое развитие?

- Почему существует явная диспропорция между провозглашенным «де-юре» равноправием мужчин и женщин и фактическим их неравенством?

- Отрицает ли реальное равноправие, равный доступ к экономическим, политическим и образовательным ресурсам и мужчин, и женщин различия в их жизненном мире, способности мыслить и чувствовать?

- Почему среди сторонников гендерной политики так мало мужчин, которые со всей ответственностью продвигали бы гендерные идеалы в действительность, способствуя реальным эффектам устойчивого развития?

- В каком смысле и каким образом можно адаптировать в национальных контекстах международный опыт гендерной политики в целях устойчивого развития?

1 Концепция гендерной политики Республики Казахстан. Алматы, 2002.

2 Гендерная политика, согласно которой гендерные индикаторы включаются во все социальные программы и проекты.

- 3 Национальный план действий. Казахстан: за равные права и равные возможности. Алматы, 2000.
- 4 Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. ООН, 2000.